

УДК 811.161.1'373.613

Щемелинина И.Н.

Московский государственный областной университет

**СЛАВЯНСКИЕ ЕДИНИЦЫ В СОЧИНЕНИИ Г. КОТОШИХИНА
«О РОССИИ В ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА»:
ХАРАКТЕР И УСЛОВИЯ ИХ АДАПТАЦИИ
К РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЕ**

I. Shchemelinina

Moscow State Regional University

**SLAVIC UNITS IN THE G. KOTOSHIKHIN'S WORK
«ON RUSSIA IN THE REIGN OF ALEXEY MIKHAILOVICH»:
NATURE AND CONDITIONS OF THEIR ADAPTATION
IN THE RUSSIAN LANGUAGE SYSTEM**

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию заимствованных слов, их функционированию в деловом языке XVII века, а также процессу их освоения русским языком как принимающим. В тексте сочинения Г. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича» выделены группы разнотематических и неоднородных по степени закреплённости и адаптации к русской языковой системе слов, составляющих слововведения, которые представляют разные части речи. Рассмотрен процесс грамматической адаптации единиц, получили оценку варианты словоформ, зафиксированные в тексте сочинения Г. Котошихина. Использовался синхронно-диахронный подход к языковому материалу.

Ключевые слова: Г.К. Котошихин, деловой язык XVII века, заимствование, калькирование, адаптация.

Abstract. This article is devoted to the study of foreign words, their functioning in the business language of the 17th century and the process of their development of the Russian language as the host. In the text of the G. Kotoshikhin's work «On Russia in the reign of Alexey Mikhailovich», the author of the article distinguishes word groups that are different and heterogeneous in the degree of tightness and adaptation in the Russian language system and that make up word formations of different parts of speech. The author also describes the process of grammatical adaptation of units and assesses variants of word forms, used in Kotoshikhin's text. The synchronous and diachronic approaches to language material are used.

Keywords: G. Kotoshikhin, business language of the 17th century, borrowing, replication, adaptation.

Г.К. Котошихин, по сведениям исторических источников, родился около 1630 года в России в семье московских служилых людей, но очень мелких, неродовитых. В 1645 году он при царе Алексее Михайловиче поступил писцом на службу в Посольский приказ. Образования, по всей видимости, Котошихин никакого не получил: возможно, сначала учился дома, а впоследствии, будучи на службе в Посольском приказе и исполняя возложенные на него обязанности, получил знания, основанные на практическом опыте, наблюдениях и следовании традициям служилого дворянства. Хотя в служебном отношении он был лицом не очень важным, между тем слыл не только человеком умным, но и довольно много знающим и компетентным в своих вопросах. На тот момент в Московском государстве, особенно в органах центрального управления, сформировался тип людей, ловких, наблюдательных и эрудированных, хорошо знавших жизнь, развитых для своего времени. Скорее всего, и Котошихин

являлся предшественником именно этого типа. В связи с этим сочинение Г.К. Котошихина и представляет для нас интерес как сокровищница лексических средств русского языка XVII века, сохранившая свидетельства жизни, быта, отношений, взаимосвязей людей многих общественных пластов – сведения этнокультурного характера, исторически подтвержденные фактором авторства Г. Котошихина.

На протяжении всего периода существования русского языка идёт «отбор всех жизнеспособных элементов словарного состава русского литературного языка, освоение заимствованных слов, калькирование, закрепление за славянизмами определённых стилистических функций, создаются новые русские слова, что не ущемляет национальной самобытности народа, а, напротив, обогащает словарный состав одного языка за счёт словарного состава других языков» [6, с. 138, 247].

Одним из этапов освоения заимствованных слов является их транслитерация к системе заимствующего языка и адаптация их к русской языковой системе. А.Н. Чудинова некогда метко определил суть процесса освоения заимствований: «Когда чуждое слово случайно западетъ въ воды какого-нибудь языка, то оно носится по нимъ, пока не приметъ его цвѣта и наперекоръ своей натурѣ не станетъ похоже на туземное» [9, с. 7]. Правда, исследователи подчёркивают важность фактора опосредованного заимствования, ибо «турецкію элементы» ещё не значить «восточные» вообще, но для славянъ оба эти понятія почти совпадают, потому что и арабскія и персидскія и монгольскія слова проникали къ славянамъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ черезъ ту или другую турецкую среду» [7, с. 7]. С этим нельзя не согласиться, рассматривая движения в лексике в диахронии: *капитан* – [фр. *capitaine* < ср.-лат. *capitaneus* < лат. *caput* голова; глава]; *хоругвь* – [польск. *chorągiew* знамя < монг. *огуңго, огуңга* знак, знамя], заимствовано через тюркский из монг. [10].

В сочинении Г. Котошихина мы отмечаем большое количество заимствований из польского языка, точнее, вошедших через посредство польского, потому, возможно, они быстро осваивались русским языком. В.В. Виноградов в своих известнейших очерках отмечает, что в XVII веке **полонизмы** получают широкое распространение, особенно в дворянской среде, являясь составным элементом не только литературного, но и бытового словаря высшего общества, а польский язык осознаётся как европеизированная разновидность славянской речи [3, с. 40].

Установлено, что у полонизмов, которые и ранее присутствовали в речи, использовались в процессе контактов в различного рода деятельности в своих первичных, основных значениях, можно зарегистрировать контекстуальное развитие полисемии. Важным в культурно-историческом отношении нам представляется вывод: «Польский язык в XVII в. выступает в роли поставщика европейских научных, юридических, административных, технических и светско-бытовых слов и понятий» [2, с. 190]. Интерференция западнорусского делового языка и канцелярского языка Московской Руси проявилась в том, что к XVII в. значительная часть слов польского происхождения настолько прочно вошла в лексический состав великорусского делового языка, в частности языка Посольского приказа, что воспринималась как его характерная особенность.

В составе **славянских единиц** в исследуемом тексте Г. Котошихина нами выделены группы разнотематических и неоднородных по степени закреплённости и адаптации к русской языковой системе слов, составляющих слововведения, которые представляют разные части речи, и мы приводим их в текстовой форме: имена существительные [*олстръ, банделеры, гусарія, забоецъ, кварталъ, конфедерацтво, корона, коронованіе, костелы, кроники, маестатъ, оснъ, пистоль, потентатъ, привиліи, рейтары, референдаріусы, ротмистры, секретари, секретаріусъ, шкота*]; имена прилагатель-

ные [Рейтарской Приказ], глаголы [витать, коронуют, обрати], краткое страдательное причастие прошедшего времени [и после того времени случися ему быти в церкви, где коронован].

Представленные заимствованные существительные Г. Котошихин использовал в тексте с предлогами, с помощью различных аффиксов создавая словоформы определённого падежа, рода, числа в соответствии с грамматическими закономерностями русской языковой системы, соответствующие контексту – выражаемым грамматическим отношениям: *пистолы с олстры; у Полской гусарии; ноги ж и руки и пальцы отсекают за конфедерацтво; с короною Полскою; опричь короны; при короновании; переделявать в костелы; хотя в Крониках пишут; за своим столом на маестатех; с пистолми; к христианским потентатом; и к потентатом в дарех; в рейтарех; к рейтаром; в рейтары; в рейтары выбирают из жилищ; а бывают у рейтар начальные люди; из рейтар и из начальных людей.*

Эти словоформы получали грамматическое оформление при помощи окончаний [флексий]: **в форме именительного падежа** – поставлена бывает *вахт-а* [жен. род, ед. число]; учинены *буд-ы* [жен. род, мн. число]; *канн-а* [жен. род, ед. число] будет в два алтына; а бывают у рейтар начальные люди ... и *ротмистр-ы* [муж. род, мн. число]; а *хоругви* [жен. род, мн. число] у них большие; и иная какаянибудь *шкод-а* [жен. род, ед. число] учинитца; с обе стороны, стоять *секретар-и* [муж. род, мн. число]; **в форме родительного падежа** – *збойц-ов* [муж. род, мн. число] граждане побили; чарка бывает в четвертую долю *квартир-я* [муж. род, ед. число]; о причь *корон-ы* [жен. род, ед. число]; похотели быть у которого иного *потентат-а* [муж. род, ед. число]; против такого ж обычая, что и *рейтар-ов* [муж. род, мн. число]; *предик-и* [жен. род, ед. число] не бывает; а поденной корм и питье бывает против посольского *секретариус-а* [муж. род, ед. число]; **в форме винительного падежа** – и *банделер-ы*

[муж. род, мн. число] на царской обиход покупают; и взложат на царя *корон-у* [жен. род, ед. число]; отпустит сына своего на службу в *рейтар-ы* [муж. род, мн. число]; **в форме дательного падежа** – которому *потентат-у* [муж. род, ед. число] болши чести воздают; по конному человеку *рейтар-у* [муж. род, ед. число]; а бывает *рейтар-ом* [муж. род, мн. число] збор из дворян; **в форме творительного падежа** – да ружье же, карабины, и пистолы с *олстры* [муж. род, мн. ч.]; *осн-ом* [муж. род, ед. число].

В процессе адаптации заимствованного слова к русской морфологической системе наблюдаются следующие особенности формообразования: имена существительные мужского рода оформлялись в деловом языке древними окончаниями, свойственными старым типам склонения имён существительных. Например, имя существительное *олстр* и под. в форме творительного падежа множественного числа выступали с окончанием *-ы* древнего типа склонения **o*-основ [с *олстры, з бояры*], а имя существительное *рейтар* в форме родительного падежа множественного числа с нулевым окончанием [у *рейтар, из рейтар*], хотя в тексте сочинения Г. Котошихина преобладают новые формы [у *рейтар-ов, з бояр-ами* и т. д.]. Существительное *рейтар* в форме дательного падежа множественного числа оформлялось окончанием *-ом*, а в форме предложного падежа множественного числа окончанием *-ех* древних основ на **o*, **jo* [к *рейтар-ом, в рейтар-ех*]; при помощи нулевого окончания оформлялись имена существительные в форме винительного падежа мужского рода единственного числа: *рейтар*.

В сочинении Г. Котошихина падежные формы имён существительных передавались посредством предлога и окончания: **в форме родительного падежа** – а начальные люди у них против того ж что и у *рейтар-ов* [муж. род, мн. число]; а боярские знамена бывают таковы, что у Полской *гусари-и* [жен. род, ед. число], разноцветные, долги; **в форме дательного падежа** – казна посылается во

окрестные государства и **к потентат-ом** [муж. род, мн. число] в дарех; он обещался им и чинил веру на том, что им быти под его владением в вечном подданстве по своим волностям и **привили-ям** [жен. род, мн. число]; и исполняя полки придают их **к райтаром** в полки [муж. род, мн. число]; **в форме винительного падежа** – Греческия церкви переделывать **в костел-ы** [муж. род, мн. число] Лятцкие; и в те полки **в рейтар-ы** [муж. род, мн. число] выбирают из жилцов; **в форме творительного падежа** – и от того **с корон-ою** [жен. род, ед. число] Полскою и с Литвою ноипаче была война; пошел через царской двор с ружьем, с саблею, или **с пистол-ми** [муж. род, мн. число]; **в форме предложного падежа** – **в Кроник-ах** [жен. род, мн. число] пишут; и садитца царь с царицею за своим столом **на маестат-ех** [муж. род, мн. число]; да они ж бывают в начальных людех у конницы и у пехоты, и **в рейтар-ех** [муж. род, мн. число].

Е.А. Целунова, опираясь на мнение А. Золтана, отметила, что значительный пласт полонизмов исследователи находят в великорусских документах делового характера, что связано с непрерывностью традиции использования западнорусского языка в качестве языка московской дипломатии начиная с первой половины XV в. [8].

Так, суффиксы, как правило, влияли на выбор флексии:

- **ств** - имён существительных среднего рода со значением отвлечённого признака [ноги ж и руки и палцы отсекают за **конфедерац-ств-о** – вин. падеж, ср. род, ед. число – Sing. t];

- **ус** - форма мужского рода [а честию и высочеством те думные дьяки будут таковы, как в Полше **референдарі-ус-ы** – им. падеж, муж. род, мн. число]; [а иные титулы пишут золотом: Цесарскую по «**Август-ус**» – дат. падеж, муж. род, ед. число – Sing. t.]; [питье бывает против посольского **секретари-ус-а** – род. падеж, муж. род, ед. число].

Имена прилагательные в сочинении Котошихина, образованные от славянских имён

существительных, как правило, оформлялись суффиксом **-ск-** и падежными окончаниями: **из Рейтар-ск-ого ж Приказу** (род. падеж, муж. род, ед. число); **людем рейтар-ск-им** [дат. падеж, муж. род, мн. число]; **не таковы как рейтар-ск-ие** [вин. падеж, муж. род, мн. число]; **бою против рейтар-ск-ого** [род. падеж, муж. род, ед. число]; **Рейтар-ск-ие полки** [вин. падеж, муж. род, мн. число]; **из рейтар-ск-их ... людей** [род. падеж, муж. род, мн. число].

Иногда в оформлении падежной формы имени прилагательного использовалось окончание старых типов литературно-письменного языка Московии. Так, в форме именительного падежа единственного числа употреблено неудачное окончание **-ой** [**Рейтарской приказ**] народно-литературного типа великорусского языка, которое использовалось и в деловом языке и которое после образования единого русского национального языка стало приметой говоров севернорусского наречия.

Славянские глагольные единицы оформлялись посредством личных окончаний, используемых в русском языке: царя **коронуют** [глагол 3 лица в форме наст. времени мн. числа].

На наш взгляд, слово- и формообразовательные процессы, характерные для освоения заимствований, используемых Котошихиным в сочинении, представляют особый интерес. Например, основа слова **рейтар** стала производящей для притяжательного прилагательного **рейтарский**, функция которого – указывать на отношение к предмету или связанность с каким-нибудь предметным значением.

Слово **корона** стало производящей основой глагола **короновать**. Н.И. Гайнуллина пишет, что «для Петровской эпохи были характерны глаголы с суффиксом **-ова-**, прошедшие польское посредство, суффикс **-ова-** легко замещался русским суффиксом **-ова-**» [1, с. 117]. Следует сказать, что эта тенденция была характерна и для образования глагола в XVII в. Продуктивный глагол **короновать**

используется Г. Котошихиным в разных формах: *а когда царя коронуют;* и *в то время бывает ему помазание елеом; да в то ж время, как царя коронуют и веселие бывает* [глагол 3 лица в форме наст. времени мн. числа]. От слова *короновать* образовано отглагольное существительное **коронование**: *а царь в то время устраиваетца во все свое царское одяние, так же как и при короновании;* и *учинили коронование в соборной бошой первой церкви и молили Бога*. Отметим, что все указанные новообразования адаптировались в русской языковой системе и функционируют в современном русском литературном языке как частотные.

С учётом изложенного можно констатировать, что заимствования проникали в русский язык из разных источников, они могли происходить книжным и устным путём, что приводило к большой вариантности иноязычных слов, многообразию их фонетического и морфологического облика [6, с. 152]. Кроме того, в процессе заимствования славянских единиц наблюдается их полная адаптация к морфологической системе русского языка, поскольку, адаптируясь, иноязычное слово принимало фонетический облик русского слова; при образовании от него производных использовались аффиксы, продуктивные в русском языке.

В синтагматике заимствованное слово подчинялось законам построения синтаксиса русского языка: *у гусарии, за конфедерацио, с короною, при короновании, в рейтары, и банделеры, у рейтаров, з боярами*.

Некоторые заимствования стали производящими словами, изменив частеречную принадлежность: *короновать*; другие закрепились строго за определённой частью речи:

секретариус – имя сущ., *на маестатех* – имя сущ., *с пистолми* – имя сущ.; деривационные процессы в образовании новых слов от заимствованных корней, основ придавали производным словам облик, форму, «прогнозировали» функции русского слова.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гайнуллина Н.И. Заимствованная лексика в Петровскую эпоху: Процессы адаптации. – Алматы, 2008. – 295 с.
2. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М., 2001. – 719 с.
3. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.: Учебник. – 3-е изд. – М.: Высш. школа, 1982. – 528 с.
4. Копосов Л.Ф. Нормы деловой письменности и русские грамматики XVIII в. // Вестник МГОУ. – Серия «Русская филология». – 2011. – № 3. – С. 156–161.
5. Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. – М., 2000.
6. Ковалевская Е.Г. История русского литературного языка. – Санкт-Петербург – Ставрополь, 2012. – 687 с.
7. Корш Ф. О некоторых славянских словах иноязычного происхождения. Почесть. // Сборник статей по славяноведению, посвящённых профессору Марину Степановичу Дринову его учениками и почитателями. – Харьков, 1904. – 62 с.
8. Целунова Е.А. К вопросу о межславянских языковых контактах во второй половине XVII века (на материале Псалтыри Авраамия Фирсова) // Сов. славяноведение. – 1985. – № 2. – С. 82–89.
9. Чудинов А.Н. Словарь иностранных словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка. Составленъ подъ редакціею А.Н. Чудинова. – С.-Петербургъ, 1894, издание В. И. Губинскаго. – 992 с.
10. Фасмер М. Этимологический словарь. Тт. 2, 4. Перевод с немецкого и дополнения члена-корреспондента АН ССР О. Н. Трубачёва. Издание второе, стереотипное. – М., 1986–1987. – 672 с. – 864 с.